

Научная статья

УДК 347.6

EDN: FXCOCC

Правовой анализ законодательной инициативы института совместного воспитания

Станислав Алексеевич Ильичёв

*Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация*

✉ *ilyichovsa@gmail.com*

Научный руководитель: А. В. Фиошин, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
гражданского права Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу законопроекта № 983464-8, направленного на введение в Семейный кодекс Российской Федерации института совместного воспитания. Проводится юридическая деконструкция предложенных правовых новелл, выявляются их концептуальные достоинства и риски для правоприменительной практики. Инициатива рассматривается в контексте сложившегося доктринального и общественно-политического дискурса о равенстве родительских прав. Особое внимание уделяется анализу феномена родительского отчуждения как ключевого барьера на пути реализации модели совместного воспитания детей после расторжения брака. Исследуются существующие системные дисбалансы в судебной практике по спорам об определении места жительства детей, выявляется статистически значимый перекос решений в пользу матерей. Анализируются оценочные формулировки законопроекта, способные стать серьезным препятствием для его эффективного применения в правоприменительной практике. Делается вывод о том, что законопроект, являясь символически важным шагом на пути к гендерному равенству в семейном праве, в представленной редакции носит двойственный характер и сохраняет широкое поле для судебного усмотрения, что может нивелировать его реформаторский потенциал. Предлагаются конкретные направления совершенствования законодательства, включая введение опровержимой презумпции совместного воспитания.

Ключевые слова: семья, развод, совместное воспитание, семейное право, равенство прав родителей

Для цитирования: Ильичёв С. А. Правовой анализ законодательной инициативы института совместного воспитания // Фемида.Science. 2026. № 1 (18). С. 53–59.

Original article

Legal Analysis of the Legislative Initiative of the Institute of Joint Upbringing

Stanislav A. Ilyichov

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*
✉ *ilyichovsa@gmail.com*

Scientific supervisor: A. V. Fiochin, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of draft law No. 983464-8, aimed at introducing the institution of joint custody into the Family Code of the Russian Federation. A legal deconstruction of the proposed legal innovations is conducted, identifying their conceptual advantages and risks for law enforcement practice. The initiative is examined in the context of the established doctrinal and socio-political discourse on parental rights equality.

Particular attention is paid to analyzing the phenomenon of parental alienation as a key barrier to implementing the joint custody model after divorce. The existing systemic imbalances in judicial practice regarding disputes over determining children's place of residence are examined, revealing a statistically significant bias in decisions favoring mothers. The evaluative formulations in the draft law that may become serious obstacles to its effective application in law enforcement practice are analyzed. The conclusion is drawn that the draft law, while being a symbolically important step toward gender equality in family law, is ambivalent in its current version and preserves a wide scope for judicial discretion, which may nullify its reformative potential. Specific directions for legislative improvement are proposed, including the introduction of a rebuttable presumption of joint custody.

Keywords: family, divorce, joint custody, family law, parental rights equality

For citation: Ilyichov S. A. Legal analysis of the legislative initiative of the institute of joint upbringing. *Femida.Science = Themis.Science*. 2026;(1):53-59. (In Russ.)

Трансформация института семьи, сопровождаемая стабильно высоким уровнем разводов, выдвигает на передний план одну из наиболее болезненных проблем современного семейного права – определение судьбы ребенка после распада родительского союза. Научные исследования в области психологии и социологии единодушны в оценке последствий распада семьи. Как справедливо отмечает Я. В. Свило, развод родителей может являться главным негативным событием в жизни ребенка, вызывая неуверенность и травмирующие переживания [1, с. 11]. Это состояние усугубляется, когда ребенок оказывается втянут в конфликт между родителями, что, к сожалению, является скорее правилом, чем исключением.

Современный социокультурный контекст добавляет проблеме остроты. В отличие от предыдущих поколений сегодня все большее число отцов активно вовлечены в повседневную заботу о детях с самого рождения, что делает последующее принудительное дистанцирование, санкционирован-

ное судом, особенно травматичным как для родителя, так и для ребенка. Ответом на этот социальный и правовой вызов стала законодательная инициатива группы депутатов, внесших в августе 2025 г. на рассмотрение Государственной Думы проект федерального закона № 983464-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации»¹ (далее – законопроект). Цель настоящей статьи – провести критический анализ указанного законопроекта, выявив его внутренние противоречия, оценив потенциальное влияние на судебную практику и соотнеся его содержание с доминирующими в доктрине и экспертной среде точками зрения, уделив особое внимание такому деструктивному явлению, как родительское отчуждение.

Действующее российское законодательство базируется на фундаментальном принципе равенства родительских прав и обязанностей, закрепленном как на конституционном уровне (ч. 2 ст. 38 Конституции России), так и в отраслевом семейном законодательстве. Статья 61 СК РФ недвусмысленно устанавливает, что «родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей». Однако при прекращении брака эта декларация о равенстве зачастую превращается в фикцию.

Судебная практика по спорам об определении места жительства детей демонстрирует явный и статистически значимый перевес в пользу матерей. Эта дихотомия между нормой закона и ее реализацией давно является предметом научной рефлексии. Так, А. В. Фиошин указывает, что «...в действующем законодательстве (несмотря на конституционный принцип равноправия мужчины и женщины) интерес матери имеет приоритет перед интересом отца» [2, с. 124]. В основе этого перекоса лежат не только историческая инерция и гендерные стереотипы, но и сама структура правового регулирования. Обязывая суд определить место жительства ребенка с одним из родителей, закон невольно запускает состязательный процесс, в котором бывшие супруги вынуждены доказывать друг другу и суду свою «большую пригодность».

При этом ключевой правовой принцип – «обеспечение наилучших интересов ребенка» – из-за своей абстрактности часто трактуется судами утилитарно: как сохранение привычного распределения родительских ролей в семье, что на практике приводит к презумпции преимущественной связи ребенка с матерью без углубленного анализа реальных потребностей ребенка и возможностей обоих родителей. Роль органов опеки, чьи заключения должны были бы вносить объективность, на практике зачастую сводится к формальной проверке жилищно-бытовых условий и воспроизведению тех же стереотипных установок.

Центральной идеей законопроекта является внедрение в правовую ткань Семейного кодекса нового для отечественной системы института – порядка совместного воспитания. Для этого предлагается изменить алго-

---

¹ Законопроект № 983464-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983464-8> (дата обращения: 27.09.2025).

ритм действий суда (ст. 24 СК РФ) и дополнить Кодекс новой ст. 65.1. Согласно предлагаемой новелле суд будет обязан в первую очередь *«рассмотреть необходимость установления... порядка совместного воспитания»*. Это, безусловно, концептуально важный сдвиг.

Сама попытка легализовать модель, при которой оба родителя сохраняют равную вовлеченность, заслуживает поддержки. В научной литературе давно отмечается, что подобный подход способствует снижению конфликтности. В частности, А. А. Чертова отмечает, что введение совместной опеки в нашей стране поможет устранить или снизить проблемы, связанные с игнорированием решений суда о порядке общения [3, с. 168]. Однако детальный анализ положений проектируемой ст. 65.1 выявляет их существенные уязвимости. Ключевая из них содержится в п. 1, который гласит, что суд *«может по своему усмотрению установить»* такой порядок. Юридическая разница между диспозитивной конструкцией «может» и императивной «должен» колоссальна. Отсутствие презумпции или хотя бы приоритета совместного воспитания предлагает его введение целиком на откуп судебному усмотрению.

Перечень оснований для отказа (п. 4 ст. 65.1 СК РФ) также вызывает вопросы. Наряду с объективными критериями (расстояние, график работы) он содержит крайне оценочную формулировку *«существенное ухудшение условий жизни ребенка»*. Эта формулировка может стать универсальной лазейкой для отказа в совместном воспитании, так как любой переезд или изменение бытовых условий формально могут быть истолкованы как *«ухудшение»*, что позволяет суду при малейшем сомнении вернуться к привычной модели.

Наиболее серьезным барьером на пути к реализации любых моделей совместного воспитания является феномен родительского отчуждения (Parental Alienation Syndrome, PAS). Это не просто плохие отношения, а целенаправленный процесс психологического манипулирования, в результате которого ребенок начинает испытывать необоснованную враждебность и страх по отношению к одному из родителей. М. В. Верстова и В. В. Верстов определяют этот процесс как сознательное формирование у ребенка негативного отношения к родителю, который проживает отдельно, что является крайней формой вовлечения детей в родительский конфликт [4, с. 109].

Механизм отчуждения коварен: родитель-индуктор – тот, кто инициирует и осуществляет процесс отчуждения ребенка от другого родителя, – использует целый арсенал тактик от постоянной критики и очернения второго родителя до создания ложных воспоминаний о насилии и внушения ребенку чувства вины за проявление любви к «плохому» родителю. Последствия такого воздействия для психики катастрофичны. Как подчеркивают исследователи, психическая травма, полученная ребенком в результате нарушенного общения с одним из родителей после развода, отсроченно влияет на его здоровье и социальное функционирование [5, с. 57]. Разрушается связь не только с одним из родителей, но и с целой ветвью его семьи. Е. В. Камышова и З. Н. Лазарева справедливо отмечают, что при одиночной опеке обоюдно значимые отношения ребенка и родственников отдельно проживающего родителя подвержены серьезным испытаниям [6, с. 26].

В этом контексте анализируемый законопроект оказывается уязвимым: он не предлагает никаких механизмов для выявления и противодействия родительскому отчуждению. Суды, не обладая специальными знаниями в области психологии, часто принимают транслируемую ребенком враждебность за его истинное мнение, что является трагической ошибкой. В условиях острого конфликта, подогреваемого отчуждающим родителем, суд с большой вероятностью откажет в совместном воспитании, тем самым фактически подыграв манипулятору.

Необходимо признать, что законодательное регулирование имеет свои пределы. Противники законопроекта справедливо указывают на то, что механическое разделение времени пребывания ребенка между враждующими родителями может усугубить его стресс. Действительно, супружеский конфликт неизбежно проецируется на воспитательную сферу, что подтверждается научными данными. Как отмечают С. Е. Моторная и О. А. Кондрашихина, «...для отцов малолетних семей в большей степени свойственно вынесение супружеского конфликта в сферу воспитания по сравнению с многодетными отцами...» [7, с. 455].

Развод сам по себе наносит удар по самооценке ребенка. Исследования показывают, что «самооценка подростков из разведенных семей ниже, чем у их сверстников из полных семей, что авторы связывают с эмоциональным состоянием после развода» [8, с. 108]. Успешная адаптация к новым условиям требует колоссальных усилий и зачастую профессиональной поддержки. Т. В. Шеляг указывает, что «...эффективная адаптация подростков и их родителей к разводу затруднена без профессиональной помощи социальных служб...» [цит. по: 9, с. 221]. Однако вместо содействия адаптации существующая правовая модель подталкивает к дальнейшей конфронтации.

В основе социального запроса на подобные изменения лежит не только правовая, но и глубокая социально-психологическая потребность. Для гармоничного развития и усвоения гендерных ролей ребенку необходимо взаимодействие с обоими родителями. А. В. Ермилова считает, что семья играет основополагающую роль в формировании личности ребенка, требуя общения с родителями обоих полов для полноценного развития [10, с. 70]. И. М. Петрова подчеркивает, что сохранение брака любой ценой не является панацеей и «развод является единственным способом защиты психического состояния ребенка», если в семье царит насилие и постоянные конфликты [11, с. 62]. Именно поэтому так важен правовой механизм, который после развода не приводит к отчуждению одного из родителей.

Анализ законопроекта № 983464-8 позволяет сделать вывод о его двойственном характере. С одной стороны, он представляет собой долгожданный и символически важный шаг, направленный на преодоление укореившейся в судебной практике дискриминации отдельно проживающего родителя. С другой стороны, концептуальная «робость» предложенных формулировок, прежде всего отказ от введения презумпции совместного воспитания, создает серьезные риски того, что закон не достигнет своей цели.

Представляется, что дальнейшее совершенствование законодательства должно идти по пути установления **опровержимой презумпции совместного воспитания**. Именно такой подход позволил бы по-настоящему изменить парадигму правоприменения, возложив бремя доказывания невозможности или вреда совместного воспитания на ту сторону, которая против него возражает. Это стимулировало бы стороны к поиску компромисса, а не к эскалации конфликта. Кроме того, необходимо законодательно закрепить понятие родительского отчуждения и разработать для судов и органов опеки четкие методики его выявления, сделав доказанное отчуждение одним из ключевых оснований для передачи ребенка на преимущественное воспитание другому, добросовестному родителю. Внедрение обязательной семейной медиации до судебного разбирательства также могло бы способствовать снижению градуса конфликта. Только комплексный подход, сочетающий реформу материального права с развитием вспомогательных институтов, позволит гармонизировать декларируемый в законе принцип равенства родителей с реальной практикой защиты наилучших интересов ребенка.

Список источников

1. Свило Я. В. Рекомендации по минимизации у детей последствий развода родителей // *Universum: психология и образование* : электрон. журн. 2020. № 5. С. 11–13. URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/9300>.
2. Фиошин А. В. О непоименованных оценочных понятиях семейного права // *Правосудие/Justice*. 2025. Т. 7, № 2. С. 113–127.
3. Чертова А. А. Правовое регулирование опеки над ребенком, после расторжения брака // *Символ науки*. 2015. № 3. С. 167–169.
4. Верстова М. В., Верстов В. В. Психологическое индуцирование ребенка в семейном конфликте между родителями // *Гуманитарные науки*. 2023. № 4. С. 108–119.
5. Бардиер Г. Л., Защиринский М. М., Вознесенская Е. С. и др. Социальные представления о субъектах отчужденного родительства как компонент обыденного сознания // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. № 8. С. 56–64.
6. Камышова Е. В., Лазарева З. Н. Социальная коррекция взаимоотношений детей и родственников отдельно проживающего родителя после развода // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 1. С. 25–29.
7. Моторная С. Е., Кондрашихина О. А. Тип воспитания и супружеского взаимодействия в период бракоразводного процесса в семьях с разным количеством детей // *Перспективы науки и образования*. 2023. № 6. С. 455–479.
8. Сергеева А. Н., Чеботарева Е. Ю. Влияние развода родителей на психическое развитие детей младшего школьного и подросткового возраста // *Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика*. 2006. № 2. С. 106–114.
9. Шубович М. М. Особенности отношений детей-подростков к бракоразводной ситуации в родительской семье (гендерный аспект) // *Сибирский педагогический журнал*. 2008. № 9. С. 215–222.
10. Ермилова А. В. Жизнь после развода родителей в восприятии детей: социологический анализ // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 69–79.
11. Петрова И. М. Влияние развода родителей на психическое состояние детей // *Смоленский медицинский альманах*. 2015. № 3. С. 62–64.

References

1. Svilo Ya. V. Recommendations for minimizing the consequences of parental divorce for children. *Universum: psikhologiya i obrazovanie = Universum: Psychology and Education*. E-journal. 2020;(5):11-13. (In Russ.) URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/9300>.
2. Fioshin A. V. On unnamed evaluative concepts of family law. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):113-127. (In Russ.)
3. Chertova A. A. Legal regulation of child custody after divorce. *Symbol of Science*. 2015;(3):167-169. (In Russ.)
4. Verstova M. V., Verstov V. V. Psychological induction of a child in family conflict between parents. *Gumanitarnye nauki = Humanities*. 2023;(4):108-119. (In Russ.)
5. Bardier G. L., Zashchirinsky M. M., Voznesenskaya E. S., et al. Social perceptions of alienated parenthood subjects as a component of ordinary consciousness. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2023;(8):56-64. (In Russ.)
6. Kamyshova E. V., Lazareva Z. N. Social correction of relationships between children and relatives of a non-custodial parent after divorce. *Theory and Practice of Social Development*. 2018;(1):25-29. (In Russ.)
7. Motornaya S. E., Kondrashikhina O. A. Upbringing type and marital interaction during the period of divorce proceedings in families with different numbers of children. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2023;(6):455-479. (In Russ.)
8. Sergeeva A. N., Chebotareva E. Yu. Influence of parents' divorce on mental development of children of younger school and teenage age. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2006;(2):106-114. (In Russ.)
9. Shubovich M. M. Features of adolescent children's attitudes towards divorce situation in the parental family (gender aspect). *Siberian Pedagogical Journal*. 2008;(9):215-222. (In Russ.)
10. Ermilova A. V. The perception of children's life after the divorce: a sociological analysis. *Woman in Russian Society*. 2016;(1):69-79. (In Russ.)
11. Petrova I. M. The influence of parental divorce on the mental state of children. *Smolensk Medical Almanac*. 2015;(3):62-64. (In Russ.)

Информация об авторе

С. А. Ильичёв – студент 2 курса.

Information about the author

S. A. Ilyichov – 2st year student.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 28.10.2025.

The article was submitted 07.10.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 28.10.2025.